

Новые переводы

VR Вашему вниманию предлагается один из первых переводов Джонатана Гершуни - одного из наиболее сильных исследователей в области социологии домохозяйств. Этот материал представлялся в Москве в январе 2000 г. на конференции "Экономическая социология на пороге третьего тысячелетия". Статья была доступна на сайте МВШСЭН на английском языке. К сожалению, на тот момент автор не успел завершить оформление своих сложных рисунков. В данном выпуске мы публикуем полную версию текста. В отличие от перевода в первом номере журнала, данный текст прошел научное и стилистическое редактирование. Рисунки содержатся в отдельном файле Приложения 2 к данному выпуску.

Экономическая социология: либеральные рынки, социальная демократия и использование времени

Джонатан Гершуни

Институт социальных и экономических исследований, университет Эссекса

Перевод - Р.А.Громова

Научное редактирование - В.В.Радаев

Редактирование - К.М.Канюк

Подготовка рисунков - О.Г.Окороченко

Аннотация

В данной статье показана необходимость развития новой политической экономии времени. Маркс в "Капитале" сосредоточился на анализе времени, затрачиваемом на оплачиваемый труд. Но для того чтобы понять динамику современной сервисной экономики, необходимо уделять равное внимание оплачиваемому и неоплачиваемому труду, а также времени, затрачиваемому на определенные виды потребления. В данной работе используются сопоставимые данные по двадцати различным странам, позволяющие оценить изменения в использовании времени в последней трети XX века. Противопоставляются два "идеальных типа" сервисных экономик, связанных, соответственно, с общественно-политическими режимами "либерального рынка" и "социальной демократии". Предполагается, что они, в свою очередь, воплощаются в различных моделях классового и гендерного неравенства.

1. Политическая экономия времени

Ключевое место в довольно немодной ныне книге К. Маркса "Капитал" занимает политическая экономия времени. Определение центрального понятия - степени эксплуатации - дается в ней непосредственно через соотношение времени, необходимого для воспроизводства рабочей силы, и действительного объема труда, выжатого из рабочих. Чем дольше длится рабочее время, тем выше степень эксплуатации и больше прибыль. Разумеется, все мы теперь уже не считаем себя

марксистами, поддерживаем идею прибыли, а книга Маркса выброшена на свалку истории.

Все нижесказанное никоим образом не следует рассматривать как попытку возвратиться назад через заднее крыльцо к политической экономии Маркса. Тем не менее, в стремлении привести политическую экономию к такому универсальному знаменателю человеческой деятельности, как время (минуты, дни), взамен финансовых инструментов скрывается изначальная идея, которая (при ее реализации в более современной эмпирической форме) может иметь огромное значение для понимания постиндустриальных обществ. Я намерен показать, что, отвергая книгу Маркса в целом, мы не должны «выплескивать с водой и ребенка».

Время находится в центре многих проблем, с которыми сталкиваются современные экономики.

- Существует растущая классово-подобная поляризация между теми, у кого в избытке работа и недостаточно времени, и теми, у кого много времени, но нет денег, поскольку у них нет работы.
- Существуют также гендерные разновидности "временных пут", в которых особенно часто оказываются женщины; на плечи даже тех из них, кто имеет хорошую работу, дома зачастую ложится вторая работа, забота о детях или стариках - и времени в итоге не хватает ни на одну из этих работ.
- В любом случае, возникает вопрос, *из чего складывается труд* в эпоху электронной коммерции и Интернета? И какого рода потребление мы обнаруживаем в успешных сервисных экономиках?

Я намерен показать, что для рассмотрения этих проблем необходимо включать в анализ и обратную сторону производства, целиком оставленную Марксом за рамками его великой книги: характер и распределение времени, затрачиваемого на различные виды деятельности *вне* оплачиваемой работы. Мы должны соединить наши представления о *производстве* и *потреблении*. А совместно рассматривать эти два переплетающихся вида деятельности можно только посредством их приведения к общему знаменателю, каковым является *время*. Политическая экономия постиндустриального общества – это, по сути, политическая экономия времени.

Начну, однако, не с будущего, а с недавнего прошлого. Опираясь на эмпирические данные, я покажу, как изменялись модели использования времени в развитых странах. А затем обращусь к будущему и рассмотрю некоторые движущие принципы политической экономии времени, подчеркнув для наглядности контраст между двумя "идеальными типами" постиндустриальных сервисных экономик.

2. Исторические сдвиги в использовании времени

Я использую данные международного лонгитюдного исследования, включающего около 35 отдельных опросов, проведенных в 20 различных странах, всего примерно 120 тыс. респондентов. Это позволяет получить единую для развитых стран, всеобъемлющую картину, охватывающую все виды ежедневной деятельности, - оплачиваемый и неоплачиваемый труд, время досуга, потребления и сна.

Все проведенные опросы объединяет использование общей методологии "дневниковых записей". Респонденты дают последовательные отчеты обо всех видах деятельности в течение дня (или недели). (Для последующего анализа я отобрал только респондентов

"активного трудового возраста" (20-59 лет), а дни были взвешены по дням недели и таким образом, чтобы выборка стала репрезентативной для населения каждой страны.

Таблица 1. Количество респондентов по данным международного лонгитюда

Страны	1961-70	1971-77	1978-82	1983-90	1990-	
Канада	1828	1845	8138	6351		
Дания	2365			2389		
Франция	2898	4633				
Нидерланды		960	2161	2348		
Норвегия		4309	3410			
Великобритания	1702	1901		1996	1211	
США	1790	1753		2268		
Венгрия	1989	4663				
Западная Германия	2137					
Польша	2863					
Бельгия	1938					
Болгария				14834		
Чехия	1668					
Восточная Германия	1550					
Югославия	2227					
Финляндия			8309	10277		
Италия (Турин)			2116			
Австралия		1276				
Израиль					3126	
Швеция					6178	
Всего респондентов						121407

Мы увидим, что в моделях использования времени существуют *три конвергентных тренда*, подразделяемых по признакам нации, гендера и "класса" (хотя, строго говоря, то, что мы будем рассматривать, – это не классы, а скорее позиции индивидов или домохозяйств в системе социальной стратификации или дифференциации).

В качестве экспозиционного средства возьмем треугольную диаграмму, позволяющую изобразить одновременно три параметра (см. рис. 1). Введем три категории использования времени – оплачиваемый труд, неоплачиваемый труд и время досуга или потребления. Существует также четвертая, с этой точки зрения остаточная

категория – время сна. Однако для любой социальной группы на протяжении всей истории оно остается постоянным с точностью до нескольких минут. Поэтому без особенной потери информации мы можем выразить первые три категории в терминах соотношения внутри трудового дня и затем представить графически изменения моделей использования времени внутри треугольника. Три вершины данного треугольника представляют соответственно:

- время, целиком затраченное на неоплачиваемый труд (нижняя левая вершина);
- время, целиком затраченное на оплачиваемый труд (нижняя правая вершина);
- время, целиком затраченное на досуг (верхняя правая вершина).

Смещение с течением времени точек вверх внутри треугольника говорит о возрастании времени досуга в рамках рассматриваемого периода (а поскольку время сна – функциональная константа, это означает и абсолютное возрастание досугового времени). Смещение точек влево свидетельствует о возрастании доли времени, затрачиваемого на неоплачиваемый труд относительно времени оплачиваемого труда. Смещение вправо означает, что доля трудовых затрат возрастает за счет оплачиваемого труда.

Рис. 1. Функциональный треугольник: работа и досуг во второй половине XX столетия (см. Приложение 2 на сайте).

Первый из трех трендов отражает *национальную конвергенцию*. На рис. 1 отображена информация только по тем 10 странам, в которых проводились два и более опросов; стрелкой показано направление исторического движения. Видно, что в течение второй половины XX в. произошел небольшой сдвиг от неоплачиваемого к оплачиваемому труду. Происходит общее возрастание времени досуга (т.е. снижение общего времени оплачиваемого и неоплачиваемого труда), хотя в некоторых из наиболее обеспеченных стран к концу столетия наблюдается небольшое абсолютное сокращение времени досуга.

На рис. 2 отражены отдельно позиции мужчин и женщин во всех 20 странах, и мы видим, что область сходимости находится немного правее центра треугольника. Это второй из трендов: мы наблюдаем гендерную конвергенцию, свойственную всем без исключения странам, по которым имеются данные.

Рис. 2. Изменение баланса времени работы/досуга, 1960-90-е годы (см. Приложение 2).

Во всех странах и на протяжении всего рассматриваемого периода женщины в среднем значительно больше загружены домашней работой, а их оплачиваемая занятость намного меньше, чем у мужчин. Большая часть выполняемой мужчинами работы – это, очевидно, оплачиваемая работа, так что «женские» точки на графике всегда оказываются в левой части треугольника, а «мужские» -- в правой. Как правило, общее соотношение времени работы и времени досуга для мужчин и для женщин в любой стране и в любой исторический период примерно одинаково. Но с течением времени это соотношение меняется. Женщины начинают выполнять в абсолютном временном выражении все больше оплачиваемой и все меньше неоплачиваемой работы. На долю мужчин обычно приходится меньше оплачиваемой и больше неоплачиваемой работы.

Третий из рассматриваемых трендов несколько сложнее: для каждого пола в исследуемый исторический период мы наблюдаем нечто вроде *конвергенции* в использовании времени между различными *статусными группами* (рис. 3). Чтобы упростить рисунок, я сложил данные по всем странам и показал с изменением периодов

времени только позиции всех статусных групп (без выделения стран). Однако, если мы будем рассматривать каждую страну отдельно, то получим те же тренды.

В 60-е годы женщины, обладающие высоким статусом (в нашем примере, более высоким уровнем образования), гораздо больше времени проводили на оплачиваемой работе, чем женщины с низким статусом; первые также отдавали намного меньше времени неоплачиваемому труду, так что в итоге у них оставалось больше времени для досуга. По мере приближения к концу столетия мы обнаруживаем, что для обеих групп время неоплачиваемого труда существенно сокращается, но это сокращение больше у женщин с более низким статусом. У обеих групп время оплачиваемого труда возрастает примерно одинаково. В результате к концу исследуемого периода для женщин с низким статусом характерен меньший объем общего времени работы и большее время досуга, чем для женщин с высоким статусом.

Что же касается мужчин, то в начале периода обладающие высоким статусом были меньше заняты и оплачиваемым, и неоплачиваемым трудом. В течение второй половины XX века время оплачиваемой работы для обеих групп сократилось, но в большей степени это было характерно для мужчин с более низким статусом. Время неоплачиваемого труда также возросло у обеих групп, но опять-таки в большей степени у мужчин с более высоким статусом. Общий итог заключался в том, что если в начале периода мужчины с более высоким статусом в целом меньше работали и имели больше времени для досуга, по сравнению с мужчинами с низким статусом, то к концу периода мужчины с высоким статусом (как и высокостатусные женщины) располагают меньшим временем досуга. Это означает, что наблюдается общая конвергенция между группами в использовании времени при общем увеличении времени досуга. При этом обратная сторона этих сдвигов выражается так: *переворачивание градиента соотношения статуса/времени досуга, характерного для предыдущего периода времени*. Обладатели более высокого статуса, прежде имевшие большее времени досуга, впоследствии имеют его меньше, чем обладатели более низкого статуса (см. рис. 4 и 5).

Рис. 3. Пол и социальная стратификация в использовании времени в XX столетии: изменения за 33-летний период (см. Приложение 2).

Это проявляется еще более отчетливо, если изменить условные обозначения на схеме. В последних двух графиках стрелки обозначают не направление исторического движения во времени, а направление перехода от позиций низкостатусных групп к позициям групп с более высоким статусом.

Рис. 4. Женщины: перевернутый градиент статуса/времени труда (см. Приложение 2).

И для мужчин, и для женщин характерно следующее:

- периоду 1960-75 гг. свойственен положительный градиент, показывающий, что группы с более высоким статусом располагают *большим* временем досуга;
- в период 1975-85 гг. линия статуса/времени досуга практически горизонтальна;
- в период после 1985 г. отчетливо просматривается отрицательный градиент – группы с более высоким статусом располагают *меньшим* временем досуга.

В данной работе нет возможности досконально исследовать, почему существовавшая в течение долгого времени позитивная связь между статусом и временем досуга, столь четко описанная Вебленом в конце XIX столетия, столь внезапно исчезла в конце XX в.

Но, безусловно, можно предположить, что очевидное противоречие между упомянутыми мною выше данными об общем "возрастании времени досуга" и популярной концепцией «сокращения времени досуга», очень тесно связано с таким обращением градиента. В конечном счете, авторы популярной литературы скорее всего принадлежат как раз к той самой высокостатусной группе, которая совсем недавно лишилась своего преимущества в отношении продолжительности времени и досуга.

Рис. 5. Мужчины: перевернутый градиент статуса/времени труда (см. Приложение 2).

3. Услуги с высокой и низкой стоимостью, производство и потребление

Сходство моделей повседневной жизни у статусных групп, представителей разных полов и у развитых стран действительно поразительно. Но тем не менее, стоит нам задуматься об использовании времени в будущем, как возникает совершенно другая тема – различия моделей развития в рамках описанной выше общей схемы. Всегда сохраняется возможность для довольно существенных расхождений между странами.

Они покоятся на ключевом различии между потреблением конечных услуг с высокой или низкой добавленной стоимостью.

Проще всего это рассмотреть применительно к сфере традиционных услуг. Возьмем, скажем, традиционную «гранд оперу»: здание которой вмещает 3 тыс. зрителей. Она имеет оркестр, ведущих исполнителей и хор в общей сложности 150 человек и примерно столько же подсобных рабочих. Представим себе, что один час представления требует проведения десяти репетиций и другой подготовительной работы: в результате на каждый час времени потребления услуги посетителем оперы приходится один час чьего-то производственного времени. Сопоставим эти расчеты с арифметикой создания телевизионной мыльной оперы. В ней заняты полтора десятка актеров, человек пятьдесят прочих людей. А в целом затрачивается, возможно, 1500 человеко-часов на один час добротного сериала, который просмотрит 15 млн. зрителей. Соотношение здесь может достигать 1000 и более часов потребления на каждый час времени производства.

Или сопоставим систему быстрого питания и рестораны с изысканной кухней. В нашем местном французском ресторане его владелец (он же шеф-повар) лично организует закупки свежих продуктов на рынках, проверяет их и пробует еду, его подмастерья все это варят и жарят, официанты рекомендуют посетителям, что выбрать. Сравним это с системой быстрого питания: еда производится массовым способом где-то на далекой фабрике, доставляется в замороженном виде, основная часть немеханизированного труда распределена между слабо обученным персоналом и кассирами-операторами, а потребители приучены сами выбирать и относить одноразовые подносы с едой. Если судить по ценам, соотношение времени оплачиваемого труда и времени потребления для еды с высокой добавленной стоимостью вполне может быть в 5-10 раз выше, чем для ее эквивалента с низкой добавленной стоимостью.

Эти конкретные примеры услуг с высокой добавленной стоимостью могут показаться несколько вычурными и довольно старомодными. Но задумайтесь: к той же самой категории относятся занятия спортом, система образования и повышения квалификации для взрослых, искусства и ремесла, юридические и консультативные услуги, и т.п. Все эти виды деятельности требуют оплачиваемого труда высококвалифицированных работников в сочетании со временем потребления тех, кто в состоянии оплатить этот труд. Сюда следует также добавить те услуги, которые могут замещать или дополнять неоплачиваемые виды домашнего труда, включая уход за

детьми, больными или стариками. Все это опять же требует квалифицированных, порой даже высококвалифицированных работников. Проще говоря, огромное значение для эволюции экономики и социального благосостояния имеет то, на какие досуговые услуги люди тратят свое время потребления. Общество может затрачивать время производства и время потребления на услуги либо с низкой добавленной стоимостью, либо с высокой добавленной стоимостью. Перспективы "прогресса" зависят от того, какая разновидность сервисной экономики получает свое развитие.

4. Альтернативные сервисные экономики

Различение услуг с высокой и низкой добавленной стоимостью находит свое макроотражение на уровне государства. Всевозможные сочетания различных видов предоставляемых услуг определяются разными типами обществ. Существует широкий спектр возможных моделей потребления досуговых услуг. Но чтобы сформулировать внимание на последствиях выбора потребительских наборов, рассмотрим две полярные альтернативы: общество, в котором потребление смещено в сторону услуг с высокой добавленной стоимостью, и общество, где потребление смещено в сторону услуг с низкой добавленной стоимостью. Для большей ясности воспользуемся дихотомическим идеальнотипическим разделением государств на социально-демократические и либерально-рыночные (я имею в виду нечто аналогичное идеальным типам социальных режимов, введенным Эспином-Андерсоном в его работе "Три мира капитализма всеобщего благосостояния"¹). Можно предположить, что должна существовать связь между природой регулирующей деятельности государства и моделью досугового потребления: социально-демократические государства должны тяготеть к потреблению услуг с высокой добавленной стоимостью, либерально-рыночные – к потреблению услуг с низкой добавленной стоимостью.

Социально-демократическое государство, потребляя услуги с высокой добавленной стоимостью, выигрывает от полного цикла оборота доходов. Чем больше занятых в производстве высокостоймых услуг, тем больше их потенциальных потребителей; чем больше в обществе представителей обслуживающих профессий, требующих высокой квалификации, тем больше потенциальных посетителей ресторанов, любителей оперы, спортивных и других видов услуг с высокой добавленной стоимостью. Это, в частности, связано с размерами располагаемых доходов, а также определяется условием образования и воздействием других факторов, которые предоставляют людям дополнительные потребительские возможности наслаждаться потреблением. В свою очередь, высококвалифицированные высокооплачиваемые профессионалы, обеспечивающие досуг и другие подобные услуги, сами рожают растущий спрос на медицинские услуги и другие виды социального обслуживания населения. Но все не могут быть врачами. Если стремиться к тому, чтобы оплачиваемый труд в обществе все больше затрачивался на производство услуг высокой добавленной стоимостью *и при этом* его объем возрастал, общество должно вырабатывать *иные* виды потребления добавленных стоимостей. По мере своего развития общество нуждается в формировании все более утонченных вкусов и все более изощренных навыков потребления. Мы должны ходить в оперу относительно часто в том числе и для того, чтобы была возможность платить оперным певцам достаточно высокие гонорары и мотивировать их длительное обучение. Это, в свою очередь, означает, что мы предлагаем детям и взрослым соответствующие модели образования, которые позволяют воспитывать будущих ценителей оперы и обучать будущих оперных певцов. И конечно же, помимо оперы существуют другие формы

¹ См.: Esping-Aderson G. The Three Worlds of Welfare Capitalism – Cambridge: Polity Press, 1990.

высокостоймостного производства и потребления, другие виды театрального искусства, спорт, ремесла, социальное обслуживание. Можно предположить, что этот набор производств с высокими добавленными стоимостями должен формироваться с учетом того факта, что некоторые члены общества, которые просто не в состоянии быть производителями высоких стоимостей, должны тем не менее получать достаточные дотации, позволяющие им вести достойную жизнь и вносить свой посильный вклад в жизнь общества.

Важную роль в возникновении такого типа благополучных обществ играет адаптация гендерных ролей. Поскольку женщины теряют возможность предоставлять неоплачиваемые услуги (или, что то же самое, выполнить домашние обязанности, которые по сути обеспечивали прожиточный минимум в натуральном выражении), некоторые из них замещаются профессиональными или полупрофессиональными работниками, предоставляющими подобные услуги. *Некоторые*, но не *все*; поскольку постоянная домашняя прислуга фактически исчезла из жизни развитых обществ два поколения назад, наличие большого числа профессионально подготовленных работников и, как правило, высокий уровень реальной заработной платы в обществах с высокой добавленной стоимостью означают, что не так просто нанять кого-то для домашней уборки, разовых работ по хозяйству, нерегулярного ухода за детьми без официального оформления и тому подобных услуг. В подобном типе сервисной экономики представленные на рынке высокостоймостные услуги должны дополняться неоплачиваемым трудом, по самообеспечению некоторыми низкостоймостными услугами внутри домохозяйств.

Это, в свою очередь, предполагает коренные изменения в схемах деятельности мужчин и женщин. Мужчины в подобных обществах вынуждены менять свое отношение не только к домашнему, но и к оплачиваемому труду: загруженность на работе более не является для них уважительным предлогом для отказа от работы по дому. Их жены также заняты на высокостоймостных работах, а предложение низкооплачиваемых услуг недостаточно для того, чтобы освободить их от домашнего хозяйства. Так что мужьям не остается ничего другого, как участвовать в неоплачиваемом домашнем труде, по очереди с женами брать отгулы для ухода за заболевшими детьми, посещать их школы, дожидаться прибытия эксплуатационных служб и т.п. (Гендерная конвергенция, которую мы рассматривали на треугольной диаграмме, показывает начало этого тренда.)

Противоположным полюсом выступает не просто общество с низкой добавленной стоимостью, но скорее, дуалистическое **либерально-рыночное общество**. В нем как и в социально-демократических обществах могут существовать некоторые профессии, требующие высокой квалификации и создающие высокую добавленную стоимость, – врачи, адвокаты, инженеры, а также ограниченное число квалифицированных профессионалов в сфере культуры и рекреации. Однако возрастающая часть рабочей силы здесь деквалифицирована, часто эти люди трудятся в сферах, напоминающих пародию на автоматизацию традиционных услуг (наподобие системы быстрого питания). Общества этого типа специализируются на предоставлении услуг с низкой добавленной стоимостью для потребителей с низкими доходами, а также отдельных недорогих (и не слишком качественных) услугах для меньшинства богатых потребителей. В таких дуалистических обществах отсутствует сколь-либо сильная потребность в серьезном изменении гендерных ролей. Только для меньшинства, наиболее высоко квалифицированных женщин находится место в ядре рабочей силы, в то время как уделом остальных по-прежнему остается периферийный низкооплачиваемый подсобный труд.

Либерально-рыночное общество, по-видимому, должно быть беднее социально-демократического общества. Богатство любого общества складывается из богатства, произведенного всеми его членами. Общество, которое вовлечено в производство и потребление услуг с низкой средней добавленной стоимостью, должно (при прочих равных условиях) иметь более низкий ВВП, в сравнении с обществами, специализирующимися на высокостоймостных услугах. Так что для дуалистического общества более проблематично изыскание ресурсов для перераспределения в пользу наименее обеспеченных.

Конечно, не следует излишне упрощать положение и преувеличивать контраст между этими двумя типами обществ. Существует континуум видов сервисного труда начиная от самых низкооплачиваемых и требующих минимальных профессиональных навыков и кончая самыми высокооплачиваемыми и высококвалифицированными. А также неограниченное число их всевозможных сочетаний. Общим для обоих типов обществ является основополагающее завоевание модернизации - сокращение времени, необходимого для удовлетворения физиологических потребностей. Все различия заключаются лишь в наборе и качестве услуг, выходящих за рамки прожиточного минимума.

* * *

Очевидно, это еще далеко не все. Во-первых, помимо названных мной двух архетипов государств существуют и другие типы. В дополнение к социальной демократии "славного севера" и либерально-рыночным обществам "дикого запада" прежняя командная экономика Восточной Европы представляет собой особый тип сервисной экономики. И еще неизвестно, не приведет ли его форсированно быстрая замена в русле *теорий* либерального рынка (при отсутствии *экономической культуры* и устоявшихся хорошо отрегулированных финансовых *институтов*, существующих в Соединенных Штатах и Великобритании) к крайней восточной версии дикого запада или к чему-нибудь еще более мрачному.

При этом возникает серьезная потребность в новых теоретических подходах в социальных науках. На микроуровне нужна теория, описывающая последовательность сменяющих друг друга в течение дня видов деятельности индивидов, то как это согласуется с деятельностью других членов того же домохозяйства, с временными ритмами местных сообществ и общества в целом.

На макроуровне необходимо учитывать социетальный баланс времени, затрачиваемого на производство и потребление в различных типах общества услуг. Есть английская поговорка – "не могут все стирать друг другу белье", которая очень точно схватывает суть основного ограничения в развитии сервисных экономик. Если большая масса материальных ценностей производится на автоматизированных фабриках даже на других континентах, то для полной занятости обществу необходимы как производство, так и потребление очень широкого спектра различных видов услуг. В действительности нет причин, по которым экономики не могли бы работать на такой основе, и многие из них работают именно так. Но чтобы заставить их работать подобным образом, необходимы тщательно продуманные схемы общественного регулирования.

Приведем следующий пример: на треугольной диаграмме мы уже видели, что сегодня наиболее благополучные в финансовом отношении люди затрачивают на работу наибольшее время. Но *поскольку* они работают больше других, эти люди, имеющие *наибольшее количество денег* для оплаты услуг, располагают *наименьшим временем* для потребления последних. Здесь требуется достаточно сложная аргументация, и я мог

бы углубиться в обсуждение известной расширенной версии микроэкономической модели распределения времени Гэри Бекера, чтобы перейти от нее к решению макросоциологических проблем. Более же простой вывод: существует возможность роста занятости в сфере услуг, если те, у кого есть работа, сокращают свое рабочее время и тратят высвободившееся время на потребление услуг.

Этот вывод возвращает нас к самому началу статьи – к ссылке на книгу, отправленную, как принято полагать, на «свалку» истории: марксистская политика сокращения продолжительности рабочего времени, направленная на то, чтобы спровоцировать окончательный кризис капитализма, теперь возрождается в постиндустриальном контексте в качестве механизма *сохранения* капитализма. И эта линия аргументации на самом деле принимается многими социальными демократиями Европейского Союза (хотя и не на европейском «диком западе», каковым является Великобритания).

Это был всего лишь один пример. Поэтому я хочу закончить более общим утверждением. В политической экономии периода ранней индустриализации вполне могли доминировать понятия оплачиваемого труда и его связи с процессом эксплуатации. В политической экономии постиндустриальных обществ неизбежно будут доминировать более общие понятия – распределение *всего* времени общества, затрачиваемого как на производство, так и на потребление. Именно эта *новая политическая экономия времени* позволит, наконец, эконом-социологам вплотную приблизиться к анализу проблемы созидания богатства при одновременном сокращении классового и гендерного неравенства, а также неравенства, связанного с жизненным циклом человека.